

УДК 378.014:94(477)“1917/1918”

Д. В. Подлесный

ПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДЫ И ГЕТМАНАТА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Резюме

У статті подається порівняльний аналіз політики Центральної Ради та Гетьманату П. Скоропадського в галузі розбудови вищої школи. Автор доходить висновку, що культурно-освітня політика уряду П. Скоропадського мала більш зважений та системний характер, ніж відповідний напрям діяльності Центральної Ради.

Summary

In the article is given comparative analyses of policy of Central Rada and Hetmanat of P. Skoropadsky in the sphere of formation of higher school. Author comes to conclusion that educational policy of the P. Skoropadskys government had more system character than the appropriate direct of the activity of Central Rada.

Ключевые слова: высшее образование, культурно-образовательная политика, вузы, украинизация, Центральная Рада, Гетманат П. Скоропадского, реформа, революция, научно-педагогические кадры, финансирование.

Актуальность темы статьи обуславливается сразу несколькими причинами. Во-первых, деятельность национальных государственных образований периода Революции и Гражданской войны заслуживает повышенного внимания со стороны научного сообщества как одна из наиболее ярких и в то же время противоречивых страниц отечественной истории. Во-вторых, ко всестороннему изучению исторического опыта трансформаций высшей школы побуждает современное состояние системы высшего образования Украины, которое характеризуется значительной степенью незавершенности, о чем свидетельствуют острые дискуссии по ключевым положениям соответствующего законопроекта. Наконец, в-третьих, дополнительную актуальность теме исследования придает характер ее освещения в научной литературе.

Анализ современной отечественной историографии показывает, что доминирующим критерием оценки эффективности культурно-образовательной политики 1917–1921 гг. является ее соответствие курсу на украинизацию системы образования, тогда как остальные факторы (в том числе социально-экономический) имеют второстепенное значение или вообще игнорируются [1; 2]. Этот подход, который был заимствован из трудов украинской диаспоры, обуславливает несколько однобокое и идеализированное освещение проблемы становления высшей школы в период Революции и Гражданской войны. В таких условиях особое значение приобретает положенный в основу данного исследования компаративистский метод, который создает возможности для максимально объективного анализа исторических явлений.

В основу деятельности Центральной Рады и Гетманата П. Скоропадского были положены совершенно разные, по ряду вопросов диаметрально противоположные, идеологические доктрины – социализм и консерватизм. Тем не менее, оба этих государственных института декларировали доминанту национального принципа культурно-образовательных реформ. Центральная Рада уже в своем Воззвании от 22 марта 1917 г. провозгласила курс на введение «родного языка во всех школах, от низших до высших». Что касается Гетманата, то его министр образования Н. П. Василенко сразу после своего вступления в должность заявил о «желании самого широкого и глубокого развития украинской школы» [3, т. 2, с. 234]. Национальный уклон образовательной реформы сам собой подразумевался для Центральной Рады, которая была создана украинскими партиями левого спектра, чьи программы предполагали, в том числе, проведение широкой украинизации всех сфер общественной жизни. Несколько сложнее выявить мотивы соответствующей политики Гетманата, основу социальной базы которого составляли представители финансово-промышленной, землевладельческой, военной и интеллектуальной элиты бывшей Российской империи, то есть сословий, воспитанных на ценностях русской культуры. По нашему мнению, корни украинизации гетманского периода кроются, прежде всего, в плоскости легитимации Украинской Державы П. Скоропадского.

Ведь без реализации национального курса в культурно-образовательной сфере Гетманату было сложно позиционировать себя в качестве суверенной, независимой (прежде всего, от Советской России) государственной структуры. Показательным в этом плане является следующее высказывание П. Скоропадского: «Я решил эту необходимую [для борьбы с большевизмом] силу создать из хлебобобов, воспитав их в умеренном украинском духе, без ненависти к России, но с сознанием, что они не те, которые в России стали большевиками» [4, с. 128].

Образовательную политику Центральной Рады и Гетманата роднит также общность путей реформирования высшей школы. В условиях, когда вузовская среда (причем как студенческая, так и преподавательская) была в подавляющем большинстве русскоязычной, украинизация высшей школы велась в двух направлениях: создания новых вузов с украинским языком преподавания и открытия украиноведческих кафедр (т. е. кафедр украинского языка, литературы, истории и права) в дореволюционных университетах. В то же время, относительно практической реализации вышеуказанных целей между Центральной Радой и Гетманатом существовали значительные расхождения.

Что касается Центральной Рады, то, с одной стороны, она постоянно декларировала тезис о необходимости создания национально ориентированной системы высшего образования. Так, за проведение широкой украинизации высшей школы высказались два Всеукраинских учительских съезда, которые были созваны по инициативе М. С. Грушевского. О необходимости украинизировать все уровни системы образования постоянно заявлял Генеральный секретарь (позже – министр) народного образования Центральной Рады И. М. Стешенко [2, с. 61–62, 73]. С другой стороны, конкретные итоги украинизации высшей школы в период марта 1917 – апреля 1918 г. явно не соответствовали этим декларациям. Что касается украинизации дореволюционных вузов, то, как отмечает сотрудник аппарата образования УНР С. П. Постернак, «не везде были заведены даже кафедры украиноведения» [5, с. 74]. Несколько лучше дела обстояли с созданием новых высших школ украинской направленности. Осенью

1917 г. в Киеве было открыто три украинских вуза – Украинский народный университет, Украинская научно-педагогическая академия и Украинская академия искусств. Однако статус государственного учреждения получила лишь Академия искусств, тогда как Народный университет и Научно-педагогическая академия, по сути, существовали на правах общественных организаций. В свою очередь, значительным студенческим контингентом мог похвастать только Народный университет, в котором на конец октября 1917 г. числилось 1 370 слушателей, тогда как два других вуза были сравнительно небольшими (так, в Украинскую научно-педагогическую академию записалось 90 слушателей) [3, т. 1, с. 279; 6].

Естественно, нельзя забывать о том, что на протяжении всего своего существования Центральная Рада была вынуждена работать в чрезвычайных условиях. Такие факторы, как перманентная конкуренция с Временным правительством, а позже с советской властью, острый недостаток денежных средств, революционная нестабильность в стране, отрицательно сказывались на дееспособности национальных правительственных структур. Однако, по нашему мнению, несоответствие программных заявлений реальным результатам реформы высшей школы имело и субъективные причины. Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что Генеральный Секретариат (позже – министерство) образования Центральной Рады был создан в июне 1917 г., тогда как план украинизации высшей школы на правительственном уровне был разработан лишь в марте 1918 г. Тогда же была учреждена и комиссия по реформе высшего образования [5, с. 74–75]. То есть, в действиях властных структур Центральной Рады относительно реформирования высшего образования прослеживается значительная степень бессистемности и хаотичности. Этот вывод подтверждается и тем фактом, что инициаторами открытия вышеупомянутых вузов национальной направленности выступили не правительственные структуры, а общественные организации национальной направленности (Украинское научное товарищество (УНТ), «Праця», «Просвіта» и др.) [3, т. 1, с. 279; 6].

Во-вторых, Центральной Раде не удалось привлечь к реализации реформы высшей школы широкую академическую общественность.

Анализ фактического материала позволяет утверждать, что вузовская украинизация 1917 – начала 1918 г. нашла поддержку лишь среди профессорско-преподавательских кадров, которые были приверженцами национального движения и входили в состав УНТ. При этом непосредственные участники событий Революции и Гражданской войны С. П. Постернак и С. О. Сирополко, а вслед за ними и современные отечественные ученые, обвиняют русскоязычную професуру дореволюционных вузов в великодержавном шовинизме и противодействии национальной политике Центральной Рады [1; 2; 5; 7]. В то же время, документальные источники (в частности, резолюции советов Харьковского и Киевского университетов) свидетельствуют о том, что академическая общественность не возражала против постепенного внедрения достижений украинской культуры во все сферы общественной жизни, выступая лишь против тотального перехода на украинский язык преподавания [5, с. 73; 8, с. 280–281]. Более того, после Октябрьской революции 1917 г. отечественные вузы поспешили вступить в сношения именно с национальными правительственными структурами, видя в них единственную альтернативу неприемлемой для них советской власти [9].

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что от национальной реформы высшего образования вузовскую общественность отпугивали не реально проводившиеся умеренные мероприятия, направленные на введение украиноведческих учебных дисциплин и открытие соответствующих кафедр, а громкие лозунги относительно всеобщей украинизации системы образования. Иллюстрацией последних может служить сделанное Генеральным секретарем образования И. М. Стешенко заявление о том, что «высшие школы, созданные на деньги украинского народа, должны быть украинскими» [2, с. 73]. Естественно, такие планы вызывали противодействие не только со стороны так называемых «великорусских» кругов вузовской интеллигенции, но и со стороны украинских деятелей умеренной ориентации, среди которых были и будущие министры образования Гетманата Н. П. Василенко и В. П. Науменко [2, с. 62]. Более того, по свидетельствам очевидцев, радикальные заявления о тотальной украинизации системы образования посеяли в среде русскоязычных

ученых настоящую панику, которая проявилась в желании многих из них эмигрировать из Украины [10, с. 104].

Ни в коем случае не желая идеализировать культурно-образовательную политику Гетманата П. Скоропадского, отметим, что его правительству, в целом, удалось избежать вышеуказанных ошибок Центральной Рады, что объясняется, прежде всего, двумя причинами. Во-первых, аппарат управления высшим образованием Гетманата имел, несомненно, более высокий кадровый потенциал, нежели соответствующие структуры периода Центральной Рады. Правительственные структуры УНР формировались на основании партийного принципа (то есть из представителей украинских революционных партий), что, с одной стороны, обеспечивало ярко выраженную национальную направленность их политики, а с другой, негативно сказывалось на эффективности работы этих органов. Те же министры образования периода Центральной Рады И. М. Стешенко, П. П. Христюк, В. Н. Прокопович, хотя и были непосредственно связаны с национально-культурным движением, не принадлежали к академической элите [2]. В свою очередь, консервативная по своей сути Украинская Держава П. Скоропадского опиралась, прежде всего, на представителей элитарных слоев общества, в том числе на интеллектуальную элиту (это, в частности, подтверждает тот факт, что более 30% состава Совета Министров Гетманата, назначенного в мае 1918 г., составляли профессора и приват-доценты вузов). Вследствие этого, высшие посты в аппарате управления образованием заняли ведущие представители отечественной академической общественности, часть из которых имела опыт административной работы на высшем уровне. Так, министр образования Гетманата профессор Н. П. Василенко занимал должность заместителя Министра народного просвещения во Временном правительстве, а глава созданной в июне 1918 г. комиссии по реформе высшей школы академик В. И. Вернадский в 1917 г. входил в состав соответствующей общероссийской структуры. В состав гетманской комиссии по реформе высшей школы вошли также ректор Киевского университета Е. В. Секторский и известные профессора-украинисты Харьковского университета Д. И. Багалея и М. Ф. Сумцов [3, т. 2, с. 241].

Во-вторых, гетманское правительство, продолжая вслед за Центральной Радой декларировать курс на украинизацию всех сфер общественной жизни, отказалось от радикальных мер в национально-культурной области, что создало возможности для привлечения к украинизации высшей школы дореволюционной профессуры. На состоявшемся 9 мая 1918 г. совещании Министерства народного просвещения Н. П. Василенко специально подчеркнул: «Я ставлю своей задачей мирить, по силе возможностей, национальные течения, избегая русско-украинских распрей» [11]. И такой компромисс действительно был достигнут. Состоявшийся в мае 1918 г. съезд государственных вузов, расположенных на территории Украины, признал желательным проведение умеренной украинизации высшей школы в рамках открытия украиноведческих кафедр в дореволюционных университетах и создания новых вузов украинской направленности [12].

Более взвешенный и системный подход к национальной политике в совокупности с общей стабилизацией ситуации в стране (которая, в первую очередь, была связана с присутствием немецко-австрийского вооруженного контингента) обусловили рост эффективности образовательных реформ по сравнению с периодом Центральной Рады. В течение лета 1918 г. украиноведческие кафедры были созданы во всех ведущих вузах страны, в том числе в Киевском, Харьковском и Одесском университетах [13]. Осенью было открыто три украинских вуза – Киевский и Каменец-Подольский университеты и историко-филологический факультет в Полтаве, которые имели статус государственных и располагали студенческим контингентом общим числом более 4,5 тыс. человек [3, т. 2, с. 247–249; 14]. Эти факты позволяют опровергнуть предложенный некоторыми эмиграционными авторами, в частности, П. Христюком, тезис об антиукраинском характере Гетманата [15].

Важно отметить, что проводить сравнение политики Центральной Рады и Гетманата в сфере высшего образования лишь на основе реализации образовательной реформы было бы неправильно. Ведь те же самые украинские университеты не могли в одиночку обеспечить страну необходимым количеством квалифицированных

специалистов. Тем более что по состоянию на 1914 г. в Украине была сосредоточена примерно пятая часть высших школ бывшей Российской империи: 19 вузов со студенческим контингентом в 26,7 тыс. человек [16, с. 60]. Таким образом, помимо украинизации высшей школы перед национальными правительствами Украины стояла задача обеспечить функционирование дореволюционной системы высшего образования, которая составляла основу интеллектуального потенциала отечественного социума.

С одной стороны, задача регулирования вузовской системы значительно облегчалась наличием стойких традиций университетской автономии, которая в 1917 г. была максимально расширена Временным правительством [17]. Анализ фактического материала позволяет утверждать, что ни Центральная Рада, ни Гетманат не пытались установить административное управление вузами. В то же время в условиях острейшего экономического кризиса, вызванного Первой мировой войной и Революцией, вузы не могли нормально функционировать без материальной поддержки со стороны государства.

Уже осенью 1917 г. правительственные структуры Центральной Рады столкнулись с ходатайством ведущих вузов страны об оказании им финансовой помощи. В монографии М. Г. Кукурудзяка и М. М. Собчинской приводится факт выдачи Генеральным секретариатом суммы в 149 тыс. руб. на укрепление материальной базы Киевского политехнического университета [18, с. 91]. Однако анализ остальных данных позволяет сделать вывод о том, что системной политики относительно материальной поддержки вузов в период Центральной Рады не велось. В условиях, когда средств не хватало даже на полноценное содержание центральных органов власти, правительство могло давать лишь обещания об оказании финансовой помощи. Вследствие этого соответствующие просьбы Киевского, Харьковского и Одесского университетов не были удовлетворены, что дополнительно подрывало престиж Центральной Рады в глазах вузовской общественности [8, с. 282; 11, с. 319; 19, с. 63].

Что касается Гетманата П. Скоропадского, то его Совет Министров дал принципиальное согласие на финансирование работы дореволюционных вузов, приняв на рассмотрение их сметы на 1918 г.

Также ведущим вузам были выданы определенные суммы на удовлетворение неотложных потребностей (так, по 500 тыс. руб. получили Киевский и Харьковский университеты) [8, с. 285; 11, с. 322]. Таким образом, определенные меры в направлении материальной поддержки системы высшего образования предпринимались, однако, как свидетельствует анализ фактического материала, они не могли обеспечить полноценное функционирование вузов. Из-за недостатка средств на отопление, содержание лабораторий, оплату труда преподавателей и сотрудников вузы были вынуждены постоянно повышать плату за свои услуги и работать с существенными перебоями. При этом Харьковский университет был вынужден сократить осенний семестр, тогда как Одесский – прекратить работу с ноября 1918 г. [8, с. 286; 17, с. 63].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. В сфере высшего образования перед правительствами Центральной Рады и Гетманата стояли схожие, если не одинаковые, цели: во-первых, провести реформу, направленную на украинизацию высшей школы, во-вторых, обеспечить полноценное функционирование дореволюционной системы высших учебных заведений. И Центральная Рада, и Гетманат сумели добиться значительных успехов на пути построения национальной системы высшего образования и, в то же время, не сумели изыскать ресурсы для материальной поддержки уже существующих вузов, хотя и проявляли желание осуществлять таковую. Но практические достижения Украинской Державы П. Скоропадского выглядят более солидно, нежели соответствующие результаты культурно-образовательной политики УНР. Последнее объясняется как объективными, так и субъективными причинами. Объективные причины состояли в более благоприятных условиях проведения образовательной реформы в период Гетманата, что, прежде всего, было связано с мощной военно-политической поддержкой извне. Что касается субъективных причин, то культурно-образовательная политика правительства П. Скоропадского характеризовалась большей взвешенностью и системностью и, одновременно, гораздо меньшим радикализмом, чем соответствующий вектор деятельности Центральной Рады.

Подводя итог данного исследования, хочется акцентировать внимание на том, что его результаты ориентируют не на идеализацию или, наоборот, полное неприятие культурно-образовательной политики национальных правительств периода Революции и Гражданской войны, а на использование приобретенного ими как позитивного, так и негативного опыта в современных преобразованиях высшей школы.

Список литературы

1. Ротар Н. Ю. Діяльність українських національно-демократичних урядів в галузі освіти (1917–1920 рр.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / Н. Ю. Ротар. – Чернівці, 1996. – 22 с.
2. Майборода С. В. Державне управління вищою освітою в Україні: структура, функції, тенденції розвитку (1917–1959 рр.) / С. В. Майборода. – К. : Генеза, 2000. – 457 с.
3. Дорошенко Д. І. Історія України 1917–1923 рр. : у 2 т. / Д. І. Дорошенко. – К. : Темпора, 2002. – Т. 1. – 319 с.; Т. 2. – 351 с.
4. Скоропадський П. П. Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918 / П. П. Скоропадський. – Київ ; Філадельфія, 1995. – 493 с.
5. Постернак С. Из історії освітнього руху на Україні за часи революції 1917–1919 рр. / С. Постернак. – К. : Друкар, 1920. – 127 с.
6. Завальнюк О. М. Українське наукове товариство і творення національної університетської освіти / О. М. Завальнюк // Укр. іст. журн. – 2008. – № 5. – С. 112–121.
7. Сірополко С. О. Історія освіти в Україні / С. О. Сірополко. – К. : Наук. думка, 2001. – 912 с.
8. Бакіров В. С. Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років / В. С. Бакіров, В. П. Духопельников, Б. В. Зайцев. – Х. : Фоліо, 2004. – 750 с.
9. Подлесный Д. В. Отечественная профессорско-преподавательская общественность в период 1917–1921 гг.: эволюция политических ориентаций / Д. В. Подлесный // Молодые ученые Харьковщины-2011 ; Нар. укр. акад. – Х., 2011. – С. 77–81.
10. Вернадский В. И. Дневники 1917–1921 / В. И. Вернадский. – К. : Наук. думка, 1994. – 271 с.
11. В Министерстве народного просвещения // Южный край. – 1918. – 15 мая.
12. Кульбакин С. М. Второй съезд вузов Украины / С. М. Кульбакин // Южный край. – 1918. – 29 мая.

13. Завальнюк О. М. Спроби реформування російських вищих шкіл за Гетьманщини і Директорії УНР (травень 1918 – січень 1919 рр.) / О. М. Завальнюк // Наук. пр. Кам'янець-Поділ. нац. ун-ту. – Т. 19. – Кам'янець-Подільський, 2009. – С. 462–473.

14. Щербаківський В. М. Український університет у Полтаві / В. М. Щербаківський // Київ. старовина. – 1994. – № 4. – С. 9–14.

15. Христюк П. П. Записки і матеріали до історії української революції. 1917–1920 рр. : у 4 т. / П. П. Христюк. – Нью-Йорк : Вид-во Чарторийських, 1969. – Т. 3. – 160 с.

16. Вища школа Української РСР за 50 років : у 2 ч. / відп. ред. В. І. Пітов. – К. : Вид-во Київ. ун-ту, 1967. – Ч. 1. – 395 с.

17. Сизова А. Ю. Российское высшее образование при Временном правительстве: замысел и начало демократической реформы / А. Ю. Сизова // Вестн. Российск. гос. гуманитар. ун-та. – 2009. – № 17. – С. 70–83.

18. Кукурудзяк М. Г. З історії національної школи і педагогічної думки в УНР / М. Г. Кукурудзяк, М. М. Собчинська. – Кам'янець-Подільський : Абетка, 1997. – 175 с.

19. Історія Одеського університету (1865–2000) / Л. О. Ануфрієв, С. О. Аппатов, Ю. О. Амброз [та ін.]. – Одеса : АстроПринт, 2000. – 225 с.